

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

А.Я. ВЫШИНСКИЙ

СТАЛИН
И ВРАГИ НАРОДА

Рядом со Сталиным

Андрей Вышинский
Сталин и враги народа

«Алисторус»

2012

УДК 94
ББК 66.3(2Рос)8

Вышинский А. Я.

Сталин и враги народа / А. Я. Вышинский — «Алисторус»,
2012 — (Рядом со Сталиным)

ISBN 978-5-4438-0019-6

Андрей Януарьевич Вышинский был одним из ближайших соратников И.В. Сталина. Их знакомство состоялось еще в 1902 году, когда молодой адвокат Андрей Вышинский участвовал в защите Иосифа Сталина на знаменитом Батумском процессе. Далее было участие в революции 1905 года и тюрьма, в которой Вышинский отбывал срок вместе со Сталиным. После Октябрьской революции А.Я. Вышинский вступил в ряды ВКП(б); в 1935 – 1939 гг. он занимал должность Генерального прокурора СССР и выступал как государственный обвинитель на всех известных политических процессах 1936–1938 гг. В последние годы жизни Сталина, в самый опасный период «холодной войны» А.Я. Вышинский защищал интересы Советского Союза на международной арене, являясь министром иностранных дел СССР. В книге А.Я. Вышинского рассказывается о И.В. Сталине и его борьбе с врагами Советской России. Автор подробно останавливается на политических судебных процессах второй половины 1920-х – 1930-х гг., приводит фактический материал о деятельности троцкистов, диверсантов, шпионов и т. д. Кроме того, разбирается вопрос о юридических обоснованиях этих процессов, о сборе доказательств и соблюдении законности по делам об антисоветских преступлениях.

УДК 94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-4438-0019-6

© Вышинский А. Я., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Предисловие	7
Введение	11
Политические процессы 1930-х гг	15
Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Януарьееич Вышинский

Сталин и враги народа

© Вышинский А.Я., наследники, 2012

© ООО «Алгоритм», 2012

* * *

Предисловие

Выходец из старинного польского шляхетского рода, Андрей Вышинский избрал для себя путь русского революционера. В 1903 году он вступил в меньшевистскую организацию РСДРП, которая занимала прочные позиции в Закавказье (семья Вышинских жила тогда в Баку). Следует заметить, что расхождения между большевиками и меньшевиками в то время еще носили характер теоретических споров, а в революционной борьбе большевики и меньшевики часто выступали вместе.

В 1901 году Вышинский поступил на юридический факультет Киевского университета, но окончил его только в 1913 году (так как исключался за участие в студенческих беспорядках), был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию, но отстранен администрацией как политически неблагонадежный.

В 1904 году Андрей Вышинский познакомился со Сталиным: в этом году состоялся знаменитый Батумский процесс по делу проведения рабочей демонстрации. Иосиф Сталин был одним из организаторов демонстрации и предстал перед судом в качестве обвиняемого, а молодой адвокат Андрей Вышинский защищал его.

В 1905–1907 годах Вышинский участвовал в революционных выступлениях в Баку. В начале 1908 года он был осужден Тифлисской судебной палатой за «произнесение публично противоправительственной речи». Отбыл год лишения свободы в Баиловской тюрьме, где тогда же отбывал срок заключения Сталин.

После Октябрьской революции 1917 года А. Вышинский вышел из меньшевистской партии и вступил в РКП(б). В 1920–1921 годах он преподавал в Московском университете и занимал должность декана экономического факультета Института народного хозяйства имени Плеханова. В 1923–1925 годах Вышинский был прокурором уголовно-следственной коллегии Верховного суда СССР. Выступал в качестве государственного обвинителя на многих процессах: Дело «Гукон» (1923); Дело ленинградских судебных работников (1924); Дело Консервтреста (1924).

В 1925–1928 годах А.Я. Вышинский — ректор Московского государственного университета. В 1928–1930 годах он возглавлял Главное управление профессионального образования (Главпрофобр). В 1928–1931 годах был назначен членом коллегии Наркомата просвещения РСФСР.

Одновременно он продолжал выступать государственным обвинителем на политических процессах и в 1931 году стал прокурором РСФСР, затем заместителем наркома юстиции РСФСР, с 1933 года — заместителем Генерального прокурора СССР, а в 1935 году — Генеральным прокурором СССР.

Вышинский выступал как прокурор на всех трех Московских процессах 1936–1938 годов. Его судебные речи отличаются строгой логикой в изложении фактов, последовательной системой доказательств и принципиальной непримиримой позицией в отношении тех, кто являлся врагами советского строя.

Вместе с тем, А.Я. Вышинский требовал от советских органов юстиции безусловного исполнения закона, — так, например, он настоял на пересмотре принятого после убийства Кирова решения о высылке из Ленинграда бывших дворян, генералов, интеллигенции (большинство из них вернулись в Ленинград, их восстановили в правах). Добился пересмотра дел инженеров и техников угольной промышленности, проходивших по «делу Промпартии» и их реабилитации.

* * *

4 февраля 1936 года Вышинский направил личное письмо председателю Совнаркома В. М. Молотову, в котором обращал внимание на неправомерность и нецелесообразность действий Особого совещания; год спустя, выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), он резко критиковал действия органов НКВД, возглавлявшегося Г. Ягодой, по расследованию политических дел. Вышинский отмечал незаконные методы принуждения к признанию обвиняемых и невозможность вынесения материалов такого следствия в суды. Основным недостатком в работе следственных органов НКВД и органов прокуратуры Вышинский считал «тенденции построить следствие на собственном признании обвиняемого. Наши следователи очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину».

Таким образом, распространенная легенда, согласно которой Вышинский утверждал, что признание обвиняемого является «царицей доказательств», – не соответствует действительности. В своей работе «Теория судебных доказательств в советском праве» он декларировал обратный принцип:

«Было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого как ординарные участники процесса. В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (regina probationum).

Мы считаем, что обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины. Нельзя поэтому признать правильными такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно «признательные» объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и – еще хуже – единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них.

Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснения обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств. Это положение, как нам кажется, является одним из важнейших методологических правил, строгое применение которого чрезвычайно облегчает задачи следствия, ускоряет развитие следственных действий и гарантирует следствию значительно больший успех, чем это может быть при отказе от руководства этим правилом».

* * *

И.В. Сталин высоко ценил деятельность и теоретические разработки А.Я. Вышинского. После окончания московских процессов Вышинский возглавил, по предложению Сталина,

Институт права АН СССР, являлся ответственным редактором журнала «Советское государство и право».

Накануне войны глубокие юридические знания А.Я. Вышинского понадобились советскому государству в решении сложнейших международных вопросов. Он был назначен заместителем наркома иностранных дел СССР – В.М. Молотова. В начальный, наиболее тяжелый период войны А.Я. Вышинский приложил огромные усилия к созданию антигитлеровской коалиции и 12 июля 1941 года присутствовал при подписании соглашения СССР с Великобританией о совместных действиях в войне против Германии. Позже он принимал участие в конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей в октябре 1943 г. в Москве. По предложению советского правительства конференция рассмотрела вопросы сокращения сроков войны против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе, открытия второго фронта, обращения с Германией и другими вражескими странами в Европе, создания международной организации для обеспечения всеобщей безопасности и др.

В 1944–1945 годах А.Я. Вышинский принимал активное участие в переговорах с Румынией, а затем с Болгарией. В феврале 1945 года участвовал в качестве члена советской делегации в работе Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. В апреле того же года присутствовал при подписании договоров о дружбе и взаимопомощи с Польшей, Югославией и другими государствами.

Именно Вышинский привез в Берлин текст Акта о безоговорочной капитуляции Германии, ознаменовавший победу в Великой Отечественной войне, и оказывал маршалу Г. К. Жукову правовую поддержку при окончательном редактировании этого текста.

Далее Вышинский участвовал в работе Потсдамской конференции; в январе 1946 г. возглавлял делегацию СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Летом и осенью 1946 г. выступал на пленарных заседаниях Парижской мирной конференции, в комиссии по политическим и территориальным вопросам для Румынии, аналогичных комиссиях для Венгрии и Италии, в Комиссии по экономическим вопросам для Италии, о компетенции губернатора в Триесте, в Комиссии по экономическим вопросам для Балкан и Финляндии, о мирном договоре с Болгарией.

В 1949–1953 годах, на пике «холодной войны» и во время войны в Корее И.В. Сталин доверил А.Я. Вышинскому защиту интересов Советского Союза в мире— Вышинский был назначен министром иностранных дел СССР. Гибкая политика Вышинского на международной арене и его яркие страстные речи против поджигателей войны сыграли не последнюю роль в предотвращении военной катастрофы, которая могла бы привести к гибели всего человечества.

* * *

После смерти Сталина одним из первых, от кого поспешил избавиться Хрущев, был А.Я. Вышинский. Фактически он был отправлен в почетную ссылку— назначен представителем СССР в ООН.

В 1954 году А.Я. Вышинский скоропостижно скончался в Нью-Йорке от сердечного приступа. А через два года, в докладе Хрущева на XX съезде КПСС о «культе личности Сталина» в качестве одной из рубрик значились «Нарушения законности органами прокуратуры в надзоре за следствием в НКВД». Именно тогда впервые прозвучало утверждение о тезисе, якобы выдвинутом Вышинским, о признании обвиняемого как главным методе сбора доказательств. После XX съезда имя Вышинского стало прочно ассоциироваться с одним «из организаторов и активных пособников сталинских репрессий», его труды перестали быть официально используемыми пособиями для юристов; родственники Вышинского были лишены всех государственных привилегий.

С тех пор работы А.Я. Вышинского, посвященные И.В. Сталину и борьбе с врагами советского государства, не издавались; данная публикация является первой за шестьдесят лет.

Введение

Советское государство, как государство нового типа, ново своим демократизмом— последовательным социалистическим демократизмом. Советский демократизм обеспечивает господство в обществе воли большинства рабочих и крестьян, большинства трудящихся, участвующих в управлении государством. Именно советская форма демократизма пробуждает к активной жизни, к социалистическому творчеству миллионы людей, обеспечивает выделение из народных масс тысяч и тысяч руководителей и организаторов. В качестве одной из важнейших особенностей советской власти Ленин отмечал то обстоятельство, что именно советская власть, формы и методы работы органов Советского государства обеспечивают решение задачи выделения и воспитания новых руководителей и организаторов из народа.

Тысячи и тысячи раз подтверждаются слова Ленина и Сталина о советском демократизме как высшей форме демократии, на деле обеспечивающей за миллионными народными массами участие в государственном управлении, в строительстве социализма.

Сколько десятков и сотен тысяч людей выдвинуто в качестве руководителей и организаторов нового общества, замечательных представителей нашего талантливого, умного, деятельного, великого народа!

Однако создание новой государственной формы и последующее развитие этой формы в сторону все большего и большего усиления и расширения демократических принципов, в сторону все большего и большего расширения прав и обязанностей в государстве миллионов людей, естественно, не могли обойтись без борьбы, и притом жестокой борьбы.

Ленинизм учит, что ни один вопрос, связанный с классовыми интересами, не решается в истории иначе как насилием, иначе как при помощи принуждения. Естественно, насилие и подавление явились, и не могли не явиться в руках рабочих и крестьян, приступивших к строительству своего государства, серьезным средством преодоления сопротивления со стороны всех отживших и разлагающихся сил старого общества. Государственное насилие и принуждение являются необходимыми в условиях классовой борьбы, и нет государства, которое не прибегало бы к принуждению...

Известно, что нашу партию пытались столкнуть на путь ошибочной политики, губительной для Советского государства, такие отщепенцы, как Бухарин, Троцкий и их сторонники, уже представлявшие собою тогда, в первые годы революции, в потенции «пятую колонну», которую мы благодаря гениальному предвидению товарища Сталина вовремя ликвидировали. В то время как нашей главной потребностью было развивать тяжелую промышленность, производить как можно больше железа, стали, чугуна, угля, машин, станков, чтобы стать индустриальной, экономически независимой страной, — эти предатели настаивали на том, что главное— это выработать побольше ситца, галантереи, что всю экономическую политику нужно свести к задаче «обуть и одеть».

Слов нет, легкую индустрию: нужно двигать, но нельзя всю политику строить под углом зрения тех потребностей, которые хотя и являются важными, но не определяющими. Наша партия, опирающаяся в своей политике на научную базу, познав задачи, вытекающие из коренных нужд нашего народа, нашего государства, направила свою экономическую политику на то, чтобы строить шахты, разрабатывать медные, железные и прочие рудники, создавать предприятия, которые обеспечили бы нам крепкую индустриальную экономическую базу, ибо только на такой базе, опирающейся на современную могучую технику, можно было строить социалистическое хозяйство и социалистическое государство, можно было «обуть и одеть» народ.

Наша партия пошла по пути социалистической индустриализации, который отвечает жизненным интересам советской страны. По этому пути пошло хозяйственное развитие СССР,

и социализм победил. Наша страна с исключительной быстротой изменяла свой облик и становилась могучей индустриальной и колхозной державой. Товарищ Сталин писал в 1929 г.:

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации— к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, – пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые».

Недолго пришлось ждать того времени, когда сама жизнь воочию показала, какие из стран действительно можно определить в «передовые» и какие в «отсталые». В 1938 г. можно было уже констатировать гигантский подъем социалистической промышленности, что явилось прямым результатом социалистической системы организации нашего народного хозяйства. На XVIII съезде партии товарищ Сталин имел все основания заявить о том что «с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире».

Сталинские пятилетки сделали свое великое дело. Советский Союз сел на автомобиль, крестьянин-колхозник— на трактор, страна стала металлической, стала страной автомобилизации и тракторизации. Были созданы новые промышленные отрасли черной и цветной металлургии, станкостроительная, авиационная и химическая промышленность, тракторостроение и др. Можно было бы привести большие колонки цифр, показывающие гигантский рост нашего народного хозяйства за время советской власти, дающие ясное представление о превращении Советской страны в мощную индустриальную державу, оснащенную передовой техникой.

* * *

...Товарищ Сталин продолжил великую работу Ленина. Товарищ Сталин отстоял и развил учение Ленина о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, создал в исчерпывающем и совершенном виде учение о социалистическом государстве переходного от социализма к коммунизму периода и при коммунизме, в условиях капиталистического окружения. Сталин показал, как органически связано дело социалистического строительства и его успехи в нашей стране с Советским государством, с его экономической, военной и культурной мощью силой таких важнейших его рычагов, как Красная Армия и Военно-Морской Флот, как советская разведка, юстиция и органы советского государственного аппарата.

Одна из величайших заслуг товарища Сталина в разработке теории государства заключается в том, что товарищ Сталин показал значение механизма государства, механики государственной работы, ее методов, приемов, способов, значение приводных ремней, рычагов, пружин этого механизма. Без этого понимания, без ясного представления об этом механизме и механике дьявольской работы империалистических государств невозможно разоблачение коварных методов их подрывной, интервенционистской деятельности.

Забвение марксистско-ленинской истины, что государство – это вооруженные люди и «вещественные придатки», учреждения, организации, органы, механизм, действующий по всем правилам государственной тактики и стратегии, подчиняющийся, так сказать, внутренне присущим законам развития, определяемого классовой структурой данного общества, – забвение этой материально-технической стороны дела, подмена этого важнейшего вопроса вопросом абстрактно-идеологического порядка явились одной из причин извращений учения о государстве.

Троцкисты, бухаринцы пытались увести наше сознание, нашу мысль от этих вопросов, разработка и изучение которых могли бы обогатить наш практический опыт, облегчить нам борьбу с нашими врагами, со всеми враждебными нам силами. Все эти господа не только в тео-

рии, но и на практике старались всячески расшатать аппарат Советского государства, лишить его необходимого авторитета, свойственного государственной власти, внушая и предрекая скорейшее «отмирание» государства и пропагандируя необходимость сдать его в архив древностей, как ненужную ветошь.

На этой почве возникла недооценка Советского государства и его роли, против чего не раз решительно выступал товарищ Сталин. На XVIII съезде партии он сказал:

«Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) – держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) – расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме».

Не менее важное значение имеет и та часть сталинского учения о социалистическом государстве, которая говорит об исторической связи функций нового государства с функциями старых государств, с одной стороны, и о неизбежности изменений первоначальных функций пролетарского государства в зависимости от изменяющихся исторических условий и новых потребностей этого государства с другой. В процессе роста и развития социалистического государства изменяются его формы, его методы деятельности, его функции.

«На самом деле, – говорит товарищ Сталин, – формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки».

В условиях гражданской войны формы пролетарской диктатуры, как и методы ее работы, иные, чем в мирный период социалистического строительства. Особенности того и другого периода заключаются, говорит товарищ Сталин, в том, что в период строительства социализма «особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д.».

Но товарищ Сталин предупреждает против механического понимания этих особенностей. Насильственная сторона диктатуры пролетариата не может отпасть и в период относительно мирного социалистического строительства.

«Органы подавления, армия и другие организации, необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры».

Товарищ Сталин дал исчерпывающий ответ и на вопрос о том, сохранится ли государство и в будущем, в период коммунизма. Товарищ Сталин ответил на этот вопрос положительно: пока не будет уничтожена опасность военных нападений извне. Этим ответом товарищ Сталин покончил с путаницей и разбродом в важнейшем вопросе – о роли Советского государства и перспективах его развития, научив правильно оценивать его историческое место и его значение в деле борьбы за социализм, в деле дальнейшего, развития и роста социалистических отношений.

* * *

Учение Сталина о социалистическом государстве было сформулировано накануне того, как вспыхнула Вторая мировая война, затеянная немецко-фашистскими захватчиками. В огне этой войны сгорело и было уничтожено не одно государство, была ограблена и разорена не одна страна, был разгромлен и поработан не один народ. Но Советское государство, как и весь советский народ, принявшие на себя основные удары врага, вышли из борьбы укрепленными и в материальном, и в морально-политическом, и в духовном отношениях. Советский народ, Советское государство вынесли из этой борьбы свое знамя нетронутым и победным, указывающим путь для новых успехов в дальнейшем развитии социалистического общества, в дальнейшем прогрессе человеческой культуры и цивилизации.

Завершенная война с особой силой подтвердила всю исключительную роль Советского государства в судьбах нашего отечества, а также и в судьбах всего мира. Перед лицом великих событий четырех лет нашей борьбы против ненавистного врага, событий, равных которым не знала еще человеческая история, было бы излишним приводить доказательства для подтверждения той роли и значения, которые принадлежат Советскому государству в этой войне. Наше государство выдержало все испытания суровой войны, преодолел многочисленные трудности, стоявшие на его пути, собрав все силы народа и организовав их соответственно новым и чрезвычайно повышенным требованиям обороны советской страны против врага, вооруженного не только совершенной техникой, но и опиравшегося на гигантские человеческие и материальные ресурсы почти всей покоренной им Европы.

В решающие дни Второй мировой войны Советское государство оказалось на высоте своего положения, вновь и вновь подтвердив непобедимость советского строя, его жизненность и великие творческие способности. Советский строй, созданный Октябрьской социалистической революцией и укреплявшийся с каждым годом и пятилетием существования советской власти, в этой войне показал такую силу своей стойкости и непоколебимости, которые могут быть объяснимы лишь тем, что далеко в почву советской земли ушли могучие корни его исторического бытия. Советское государство показало себя в эти годы как олицетворение всего советского народа, как гигантский конденсатор, собравший все животворящие силы народные, всю сумму народных талантов и способностей, как воплощение всенародного гения, уверенно идущего вперед по своей широкой исторической дороге. Теперь, когда война завершена, когда у нас, у нашего народа, остались позади все испытания и лишения четырех лет тяжелой борьбы с немецко-фашистскими ордами, потерпевшими свои первые и самые решительные поражения на русских равнинах и у стен Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Севастополя и многих других прославленных советских городов, – теперь уже нетрудно убедиться в подлинной силе Советского государства, вынесшего на своих плечах всю основную тяжесть испытаний этой войны.

Победоносные советские армии вышвырнули наглого врага из пределов нашей земли. Они сломили сопротивление союзников Германии— Румынии, Финляндии, Венгрии, Болгарии – и принудили их к капитуляции. За короткий срок советскими войсками были освобождены Польша, Венгрия, большая часть Чехословакии, значительная часть Австрии с ее столицей Веной. За четыре месяца 1945 года Красная Армия овладела на территории Германии Восточной Пруссией, Померанией, Силезией, большей частью Бранденбурга и центром немецкого империализма столицей Германии Берлином, водрузив над ним знамя победы.

Социалистический строй дал нашему народу и вооруженным силам Советского Союза непреодолимую силу.

А.Я. Вышинский

Политические процессы 1930-х гг

Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР

В течение 1931–1932 гг. на крупных электростанциях СССР— Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской и др. – имели место систематические аварии отдельных котлов, моторов, турбин, генераторов и т. д., выводившие их из строя на более или менее длительные сроки и понижавшие мощность электростанций.

Образованная в стадии предварительного следствия и вызванная в судебное заседание специальная техническая экспертная комиссия на основе представленных ей данных пришла к заключению о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности, либо прямого вредительства со стороны технического персонала, обслуживающего перечисленные станции.

Следствие установило, что причиной указанных аварий была вредительская деятельность контрреволюционных групп, состоявших из государственных служащих электростанций, в большинстве своем из высшего технического персонала, действовавших в соучастии с некоторыми служащими частной английской фирмы «Метрополитен-Виккерс», работавшей в СССР по договору.

Среди служащих фирмы «Метрополитен-Виккерс» руководящая роль по совершению контрреволюционных преступлений принадлежала Торнтону Л. Ч. – главному монтажному инженеру этой фирмы, под руководством которого осуществляли вредительство на отдельных электростанциях СССР и инженеры и монтеры фирмы, английские подданные Макдональд и Нордволл, а равно и английский инженер Кушни и монтер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Олейник П. Е.

Через этих лиц, а также и непосредственно Торнтон вступил в связь с контрреволюционными группами советских служащих на электростанциях, договаривался с ними о совершении аварий, о сокрытии дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Крашенинников, Зиверт), и давал взятки государственным служащим за совершенные ими преступные действия; занимался военным шпионажем на территории СССР, собирая через Макдональда, Кушни, Грегори и Олейника секретные сведения военно-государственного значения, и давал за полученные сведения через указанных лиц взятки советским государственным служащим.

Уполномоченный московской конторой фирмы «Метрополитен-Виккерс» Монкгауз был осведомлен о действиях Торнтон по организации аварий на этих электростанциях совместно с вредительскими контрреволюционными группами советских государственных служащих электростанций и принимал участие в даче взяток государственным служащим электростанций за сокрытие дефектов оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», а также за сокрытие дефектов монтажа этого оборудования, что приводило к авариям.

Исполнителем вредительских заданий Торнтон на Бакинской электростанции был монтажный инженер фирмы «Метрополитен-Виккерс» Кушни, организовавший в 1928 году на этой станции аварию с турбиной № 11 и собиравший секретные сведения военного характера для передачи Торнтону.

Исполнителем преступных заданий Торнтон на ряде электростанций (1 МГЭС, Макевка, Мотовилиха) был служащий московской конторы фирмы «Метрополитен-Виккерс» Олейник, систематически скрывавший дефекты оборудования, поставляемого фирмой «Метрополитен-Виккерс», что привело к ряду аварий. Кроме того, Олейник собирал секретные военные сведения и вербовал агентуру для Торнтон.

Обвиняемая Кутузова А. С, состоя на службе в Московской конторе фирмы «Метрополитен-Виккерс» в качестве секретаря и зная о контрреволюционной работе служащих этой фирмы, систематически передавала и пересылала денежные вознаграждения отдельным участникам контрреволюционных групп государственных советских служащих электростанций за их шпионскую и вредительскую деятельность.

Дело это рассматривалось в Москве 12–18 апреля 1933 г. Специальным присутствием Верховного суда СССР.

Из обвинительной речи А.Я Вышинского

«Может быть, какие-нибудь сутки отделяют нас от того решительного момента, когда будут подведены окончательные итоги всей нашей работы этих дней, когда в этих итогах будет произнесено авторитетное слово Верховного суда по настоящему делу. Нас отделяет не много времени от того момента, когда со всей отчетливостью, точностью, ясностью, определенностью и категоричностью будет дана последний раз в этом деле квалификация и всех тех отдельных событий, которые были предметом рассмотрения всего нашего судебного следствия, а до того – предварительного расследования и всей суммы тех общественных и политических фактов, которые лежат в основе настоящего процесса.

Эти итоги должны быть и будут весьма значительными, ибо настоящее дело даже среди других дел, проходивших перед Верховным судом в предшествующие годы, имеет исключительное значение, ибо это дело даже среди других дел, уже являвшихся предметом рассмотрения Специального присутствия Верховного суда за последние годы, характеризуется как дело, имеющее исключительное, мировое значение, как дело, к которому сейчас приковано внимание всего мира, трудящихся нашей страны, трудящихся всех стран, всех наших друзей и всех наших врагов.

Всех тех врагов, которые, ослепленные своей классово-ненавистью, охваченные своим чувством классово-вражды и злобы, в преддверии этого процесса забыли границы, поставленные им суверенностью нашего государства, забыли пределы допустимого в международных отношениях и сделали попытки оказать на все направление этого процесса, этого дела такое моральное давление, которое свидетельствует о том, что часто антисоветские круги, бьющиеся в истерике, теряют необходимое и широко возмеченное хладнокровие, переступают границы допустимого и, конечно, получают должный и заслуженный отпор.

Я не сомневаюсь в том, что и впредь они будут получать такой же решительный отпор, который заставит их понять, что в стране строящегося социалистического общества, что в стране, сбросившей 15 с лишним лет тому назад иго капиталистов и помещиков, не будут считаться с какими бы то ни было требованиями, расходящимися с интересами пролетариата, пролетарской революции, государства пролетарской диктатуры, откуда бы эти попытки ни исходили.

Дерзкие, наглые требования некоторых иностранных кругов, как я уже сказал, получили заслуженный отпор... Они будут получать его и впредь, когда хотя на мгновение забудут, что имеют дело с СССР, страной великой социалистической стройки, страной, отвоевавшей себе свободу от собственных капиталистов и помещиков, ликвидированных Октябрьской революцией, отвоевавшей себе государственную независимость, укрепившуюся и укрепляющуюся с каждым годом нашего существования на основе великих социальных, экономических и политических завоеваний великого Октября, на основе великих успехов нашей первой пятилетки, на основе великих и неисчерпаемых творческих сил трудящихся масс нашей страны, строящей под руководством нашей великой Коммунистической партии новое, социалистическое общество.

Мы никогда и никому не позволяли, не позволяем и не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, несмотря ни на какие маневры, истерики, крики, шум и гам. Нельзя не напомнить сейчас об этом, об этих криках, об этих истериках некоторых кругов Англии, потерявших равновесие, плохо усвоивших или вовсе не успевших еще усвоить мысль, высказанную еще три года тому назад товарищем Сталиным в связи с вопросом о «камне преткновения» в деле улучшения наших экономических связей с буржуазными государствами.

Товарищ Сталин на XVI партийном съезде в политическом отчете ЦК говорил:

«Говорят, далее, что камнем преткновения является наш советский строй, коллективизация, борьба с кулачеством, антирелигиозная пропаганда, борьба с вредителями и контрреволюционерами из «людей науки», изгнание Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и т. п. лакеев капитала. Но это уж становится, – говорил товарищ Сталин, – совсем забавным. Им, оказывается, не нравится советский строй. Но нам также не нравится капиталистический строй... Не нравится, что десятки миллионов безработных вынуждены у них голодать и нищенствовать, тогда как маленькая кучка капиталистов владеет миллиардными богатствами. Но раз мы уже согласились, – говорил товарищ Сталин в этом своем историческом политотчете, – не вмешиваться во внутренние дела других стран, не ясно ли, что не стоит возвращаться к этому вопросу? Коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т. п. представляют неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей Конституцией. Конституцию СССР мы должны и будем выполнять со всей последовательностью. Понятно, следовательно, что кто не хочет считаться с нашей Конституцией – может проходить дальше, на все четыре стороны».

Этим господам, видите ли, не нравится наша Конституция, наш советский строй, наш советский суд, и они выражают это свое недовольство и Конституцией, и советскими порядками, и советским судом – клеветой, инсинуациями, извращениями, фальсификациями, – словом обычными методами «морального давления» на свое собственное общественное мнение в своих узких, грубых, жестоких, бесчеловечных, капиталистических классовых интересах. Им не нравится, что советский суд – это классовый суд, и они пытаются клеветать, что раз это – классовый суд, то есть суд, который стоит на страже интересов рабочего класса и пролетарского государства, то это вовсе не суд, и что в этой стране, где суд состоит из трудящихся, где суд действует во имя интересов трудящихся, где суд направляет свое и моральное и политическое влияние против эксплуататоров, против врагов трудящихся, – то в этой стране нет правосудия.

Мистер Пэтрик, как об этом мы можем судить по недавно состоявшимся в английской палате общин прениям по вопросам, связанным с биллем против ввоза советских товаров, заявил: «Вся идея правосудия (очевидно в Советской стране, ибо говорилось о советском суде) лежит на классовой основе. Это обстоятельство мной усвоено пару лет тому назад в Москве, когда я был в Верховном суде на одном из процессов, сидел на очень жестком стуле и смотрел на громадное красное полотнище, подвешанное позади судейского стола, за которым судьи сидели и курили». Мистер Хенон – с места: «Судьи курили?» Мистер Пэтрик: «Да». «На этом полотнище, – продолжал мистер Пэтрик, – большими белыми буквами было написано: «Суд – орган пролетариата».

«Это одно, – говорит он, – из классических высказываний Ленина, цитируемое при всяких случаях».

«Эти слова означают как раз то, что они говорят, – суд есть орган пролетариата и по простой логике коммунистической доктрины суд есть орган классовой борьбы и существует для этой главной цели».

«Но, – продолжал Пэтрик, – сама классовая борьба давно уже перестала быть реальностью. Я не сомневаюсь, – говорит далее Пэтрик, – что она была в достаточной степени действительна в первые дни революции и гражданской войны... Много времени прошло с тех пор, и сопротивление буржуазии окончательно и совершенно сломлено».

Этим самым Пэтрик хотел сказать, что раз классовой борьбы нет, то, следовательно, суду ничего не останется делать с точки зрения логики коммунистической программы, которая считает и признает суд органом, осуществляющим защиту интересов пролетариата.

Мы никогда не скрывали и не скрываем подлинной классовой природы нашего суда, подлинных классовых задач, стоящих перед нашим правосудием.

Мы всегда и везде и устами наших учителей и нашей постоянной работой на теоретических и на практических участках социалистического строительства признавали классовую природу нашего суда, как и всего нашего государства, никогда не отрывали ни одной нашей задачи от общих и основных задач осуществления и защиты интересов рабочего класса и никогда не отрывали нашей судебной работы от этих задач и задач нашей судебной деятельности.

Владимир Ильич в самом начале революции указывал именно на эту действительно величайшую особенность нашего советского правосудия: «На место старого суда, – говорил он про нашу Октябрьскую революцию, – она стала создавать новый народный суд, вернее, советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов, – и только этих классов, – в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или оставить свои привилегии, или тайком протаскать, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий».

Советский суд есть суд Советского государства, суд рабочего класса, есть суд трудящихся нашей страны, осуществляющий величайшие исторические задачи построения в нашей стране социалистического общества, служащей примером и образцом для наших братьев по классу во всех других странах, борющихся за свое социальное освобождение.

В противоположность этому суду, во всех капиталистических странах суд всегда был и остается судом, осуществляющим и защищающим интересы капиталистических классов, классов, эксплуатирующих и угнетающих человеческий труд.

«Суд был, – говорит Ленин, – в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации».

И когда нам говорят о том, что вот наш советский суд – классовый суд, и вы, сидя в этом суде, творите неправосудно свои дела, потому что вы стоите на почве классовой доктрины, то это не что иное, как обычные выпады, свидетельствующие об обычных приемах фальсификации и клеветы, при помощи которой эксплуататоры пытаются замазать подлинную классовую эксплуататорскую сущность своего собственного суда, как и всего своего государства.

* * *

Кое-какие господа из английской палаты общин пытаются противопоставить нашему суду свой суд и свое правосудие, указывая на то, что между нашим правосудием и правосудием, скажем, английским существует та разница, которая заключается в том, что в английском суде творится правосудие, а в советском суде правосудия искать нельзя. Вот, например, майор Хильс (Hills), выступая не так давно в палате общин в связи с делом «Метро-Виккерс», прямо заявил: «Правосудие в этой стране (то есть в Англии) и правосудие в других цивилизованных европейских странах, – а также капиталистических, как Америка, не сравнимо с правосудием в России».

Полемизируя против Криппса, он далее говорит: «Криппс пускает диалектическую дымовую завесу о том, что будто бы в России есть система правосудия. Он очень хорошо знает, что ее нет».

Майор Хильс— храбрый майор, если он решается говорить то, что я сейчас, к сожалению, вынужден был, оскорбляя ваш слух, цитировать на заседании Верховного суда. Но этому майору не плохо ответили его же сограждане, другие члены парламента.

Вот, например, Криппс, в том же заседании в палате общин заявивший: «Достопочтенный и ученый джентльмен, лорд-адвокат, если бы он был здесь, я уверен, поддержал бы меня в том, что я говорю относительно дела шотландского шелка. Прошел целый месяц после ареста и освобождения под залог, прежде чем обвинение было полностью сформулировано».

Прошел целый месяц, прежде чем было полностью сформулировано только обвинение!

Или Керквуд, заявивший, что в 1913 году член парламента от Дэмбартона был арестован в 1 час 30 минут ночи, брошен в тюрьму и выслан без суда. Его оторвали от его жены и семьи на 16 месяцев. Это не я говорю. Это говорит Керквуд. Это говорит Криппс. Это говорят члены английского парламента, англичане, не потерявшие чувства действительности и умеющие видеть неразвращенными глазами эту действительность, каждый день издевающуюся в капиталистических странах над тем, что там именуется правосудием.

Не нравятся господам капиталистам и наши процессуальные порядки и наши процессы, направленные против контрреволюционеров и вредителей, всегда и неизменно встречающих горячую поддержку, сочувствие, защиту со стороны определенных кругов буржуазии и, в частности, – я об этом должен сказать именно на этом процессе, – со стороны некоторых определенных кругов английской буржуазии.

Министр торговли Рэнсимен сказал по поводу нашего – процесса, т. е. именно того дела, которое сейчас является предметом нашего обсуждения: «Инсценировка процессов вроде этого, по обвинению в саботаже, часто случается в России. Были произведены тщательные изыскания, и мы не могли найти ни одного примера, чтобы один из таких процессов не окончился осуждением».

Что это может означать? Только то, что мы зря, огульно не сажаем людей на скамью подсудимых. Обвинительная власть и органы предварительного расследования, прежде чем посадить на скамью подсудимых по обвинению в том или другом преступлении граждан своей или чужой страны, в высокой степени тщательно взвешивают все обстоятельства, в высокой степени осторожно относятся к этому акту.

Но если британский министр торговли имел в виду сказать, что ни в одном из таких процессов мы не встречаемся с оправдательными приговорами, то это уже переходит в прямое искажение имеющих место фактов. И для того чтобы долго на этом вопросе не останавливаться и чтобы так, на ходу, опровергнуть подобного рода утверждения, я обращаюсь к одной исторической справке, которая касается Шахтинского процесса, по которому были оправданы Потемкин, Штельбринк, Отто и Мейер – четверо из обвиняемых по этому крупнейшему вредительскому процессу, по процессу контрреволюции в Донбассе, о контрреволюционной организации, пытавшейся взорвать нашу всесоюзную кочегарку, нанести тяжелый удар по нашему тепловому хозяйству.

Как же можно после этого говорить о том, что у нас процессы кончаются всегда осуждением? Правда, английский министр торговли говорит о тщательных изысканиях, которые им были предварительно произведены, чтобы сделать, тот вывод, которым он поделился в палате общин со своими согражданами. Но нужно сказать, что эти тщательные изыскания столь же очевидно дефектны, как и кое-какие турбины фирмы «Метро-Виккерс», о которых вчера здесь говорил гражданин Монкгауз.

* * *

Вы знаете, что буржуазия всегда пытается скрыть истинную классовую природу всех своих учреждений и, в частности, такого, каким является суд. Можно было бы привести целый ряд в высокой степени авторитетных и ценных фактов, которые говорят именно об этой исторической и постоянной практике капиталистических и эксплуататорских классов, пытающихся

скрыть и замазать истинную, эксплуататорскую сущность своих государственных учреждений, в частности – своего суда.

Но, товарищи судьи, это давно, давно уже было очень хорошо и исчерпывающим образом разоблачено, в частности и в отношении того, что собой представляют хваленые суды хотя бы английского государства. У Энгельса в его «Английской конституции» с исчерпывающей и убийственной характеристикой дается анализ классовой природы судов капиталистических стран. Говорится, что «английский суд присяжных, как самый выработанный, есть завершение юридической лжи и безнравственности». И в самом деле, что представляет собой любой суд капиталистической страны.

Энгельс об английском суде говорит так: «Кто слишком беден... получает на предварительный просмотр только обвинительный акт, первоначально данные мировому судье показания и, следовательно, не знает в подробностях собранных против него улик (а это как раз для невинных опаснее всего); он должен тотчас же, по окончании обвинения, отвечать, говорить, может только один раз; если он не исчерпает всего, если не достанет свидетеля, которого он считал нужным, – он погиб».

После этого нам говорят о том, что правосудие как раз царит в тех странах, где имеет место порядок, нашедший себе уже много десятков лет тому назад такую беспощадную оценку, какая дана этим учреждениям одним из основоположников научного социализма и одним из величайших наших учителей – Фридрихом Энгельсом. Но с тех пор прошло много лет, и каждый год приносит новые и новые примеры, подтверждающие исключительную правильность именно этой оценки. И на сегодня мы могли бы таких примеров найти несчетное число.

Классовая юстиция всем своим острием направлена против интересов трудящихся и по существу не является юстицией, правосудием. Английский журнал «Нью лидер» характеризует мирутский процесс «как величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах мира». И кто же из людей, следящих за печатью, не знает, что уже больше 4 лет тянется этот чудовищный процесс, в котором над 30 революционерами индусами и англичанами, обвиняющимися в коммунистической деятельности и в организации революционного профессионального движения, в буквальном смысле слова издевается классовая юстиция. 4 года тянулось следствие с допросами при помощи всех тех методов, которые нашли свое применение и в недавно прошедшем в Англии процессе по обвинению в шпионаже офицера Стюарта: «третья степень», содержание в нечеловеческих условиях, все меры подлинного физического и морального воздействия, – все это было пущено в ход этим буржуазным так называемым правосудием, в защиту которого сейчас выступают буржуазные парламентарии, осмеливающиеся со своих парламентских трибун бросать столь же голословные, сколь оскорбительные обвинения по отношению к единственной подлинно свободной в мире стране – к Советской стране, по отношению к единственному в мире подлинному правосудию— правосудию советского суда, где осуществляется воля пролетариата, творящего новую жизнь, строящего новое, социалистическое общество.

Этим господам не нравится и наш процессуальный порядок, касающийся предварительного следствия, которому в тех же самых дебатах уделялось очень много внимания, как и всему этому делу и общим вопросам наших судебно-процессуальных порядков, которых я не могу не коснуться сейчас. В этой связи в этих дебатах говорилось, в частности, о том, что у нас на предварительном следствии обвиняемые не пользуются никакой защитой. Один из этих «остроумных» парламентариев заявил: «Прежде признание, а юридическая помощь потом...» Мы видели уже по реплике Криппса, по реплике Керквуда, где именно действительно – бывает так, что люди, привлеченные к ответственности, в действительности лишаются всякой защиты. Да, наш процессуальный кодекс и наше процессуальное право в стадии предварительного расследования не знают участия защиты, но это потому, что самый наш закон – и я должен об этом напомнить сегодня, и, в частности, статьи 111 и 112 Уголовно-процессуального кодекса на

самые государственные органы возлагают обязанность всестороннего и полного исследования дела – обязанность исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность.

И когда наши враги говорят в порыве классового гнева и слепой классовой ненависти, что при этих условиях не может идти речь о гарантиях, обеспечивающих установление судебной истины, и хотят сослаться на другие, так называемые цивилизованные страны, то очень нетрудно будет отвести подобного рода нападения хотя бы ссылкой на один из новейших германских уголовно-процессуальных кодексов, именно на кодекс 1924 года. Я говорю именно о тех годах, а не о сегодняшней эпохе, связанной с торжеством в Германии фашизма. В соответствии с параграфом 147, защита, допускаемая к участию в предварительном следствии, допускается к просмотру материалов предварительного следствия лишь в том случае, «если это не угрожает каким-либо ущербом целям и задачам предварительного расследования».

Мы гарантируем права обвиняемых не только на суде, но и в процессе предварительного расследования и, в частности, при помощи той ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса, о которой мы уже не раз говорили в процессе судебного следствия.

Я этим вопросом занимаюсь только потому, что все те общие разговоры, которые имели место в палате общин о нашем правосудии, о нашей судебной системе, о наших процессуальных порядках, имели место не абстрактно, – они имели место в связи с настоящим делом и в прямом расчете определенных кругов английской буржуазии дискредитировать и предварительное расследование по этому делу и самый суд, который, конечно, должен иметь в виду и материалы предварительного расследования.

* * *

Больше того, мы были здесь свидетелями того, как некоторые подсудимые – я назову Торнтон, я назову Монкгауза, – по крайней мере, пытались осуществить здесь перед нашим судом, в ходе нашего судебного следствия, в сущности говоря, ту линию, которая была им заказана и нашла свое отражение в первом выпуске известной нам всем так называемой «Белой книги»: басня Торнтон о «моральном давлении», с которым он так постыдно оскандалился, басня Монкгауза о 18-часовом допросе, который в английском парламенте превратился в 19-часовой допрос (еще час набежал), версия, – я не знаю, кто был инициатором ее, – но версия, здесь публично испробованная Монкгаузом в качестве метода своей защиты, за которую он должен был поплатиться необходимостью принести Верховному суду свое извинение.

Все это, товарищи судьи, стоит в прямом соответствии с одной телеграммой, опубликованной в «Белой книге» за подписью сэра Ванситтарта, на имя сэра Эсмонда Овия, которую я хотел бы здесь продемонстрировать, – это документ, носящий номер 27. Эта телеграмма приподнимает кой-какую завесу в инциденте с выступлением на суде Монкгауза. «Советский посол, – телеграфирует Ванситтарт сэру Овию, – был у меня по моему требованию». Так сказано в документе 27, опубликованном в «Белой книге». «Я сказал, – читаем мы дальше, – что из того, что произошло вчера в палате общин, он должен знать причины данного свидания. Негодование в этой стране (в Англии) по поводу произвольных арестов и грубого обращения с британскими подданными в России растет, будет продолжать расти и будет продолжать расти обоснованно. Широко распространено чувство, что обвинения против этих людей нелепы и истеричны и что эти аресты были инсценированы и к тому же очень плохой были инсценировкой, поставленной просто для того, чтобы путем выставления козлов отпущения (это Торнтон и Монкгауз – козлы отпущения!) замаскировать неудачи кой-каких промышленных мероприятий в России».

«Советское правительство, – говорится в этом документе, – может говорить, что хочет, но общественное мнение здесь никогда не посмотрит на эту постановку в каком-либо ином свете».

Итак, 16 марта была послана, занесенная в историю данного процесса и английской дипломатии, эта телеграмма под номером 27, а вчера, 15 апреля, в утреннем заседании имело место выступление Монкгауза, который пытался, как он заявил, довести до сведения суда свою декларацию о том, что «этот процесс есть инсценировка против фирмы «Метро-Виккерс» путем показаний запуганных подсудимых. Но даже такой «пугливый» человек, как Торнтон, не мог привести ни одного факта, который говорил бы о том, каким именно образом он был напуган, и единственно, что он сказал в этом случае, – это следующее: «Я сам не знаю, чего я испугался».

Я уже сказал, что я не знаю, кто кого здесь соответствующим образом инспирирует, но для меня несомненно, что английское общественное мнение введено в заблуждение целым рядом искусно предпринятых маневров. Я думаю, что будет величайшей заслугой этого процесса, нашего суда по этому делу, разоблачение этих извращений, восстановление действительности, какой она была на самом деле, что показало бы общественному мнению Англии и даже тем кругам, которые настроены враждебно против нашего государства, что они оказались и на этот раз жестоко введенными в заблуждение. И в самом деле, мы имеем заявление министра иностранных дел о том, что Монкгауз, «не имея предъявленного ему обвинения и будучи увезенным в тюрьму в ранние часы утра, был подвергнут в 8 часов утра первому допросу, продолжавшемуся 19 часов без перерыва».

«Я, – говорит оратор, – справлялся у посла относительно допрашивающих, – со стороны допрашивающих были три смены следователей, которые сменяли один другого, но со стороны допрашиваемого (как само собой разумеется) все время было одно и то же лицо».

Интересное, конечно, сообщение, которое могло, разумеется, внушить очень печальные настроения даже самым непредубежденным против наших процессуальных порядков джентльменам. В самом деле, непрерывные 19 часов допроса, бедная жертва этого допроса джентльмен Монкгауз, один против трех смен следователей— все один за другим атакуют этого несчастного Монкгауза.

19 часов. Вероятно, первый солгавший был сам Монкгауз. Это он солгал, это он пустил в ход версию о 19 часах. Ее подхватили те, кому это было удобно и выгодно, ее пустили широко в оборот, мобилизовали общественное мнение и хотели на этом построить свои требования в связи с этим процессом, – требования, с негодованием нами отвергнутые.

Некогда здесь вчера Монкгауз заявил: «Я признаю свою ошибку, я извиняюсь», – то мне казалось, что он извиняется не перед нами, товарищи судьи, он извиняется перед теми, кого он обманул. А как обстояло дело на самом деле? Мы вчера об этом говорили достаточно подробно, но разрешите мне очень кратко коснуться этого и сегодня. Я продолжу сообщение, которое было сделано в палате общин министром иностранных дел: «Мистера Монкгауза отвели обратно в его камеру около 3 часов утра 13 марта, где он и оставался до 7 час. 30 мин. В 7 час. 30 минут он был подвергнут второму допросу, который продолжался около 17 часов. Итого за двое суток – 36 часов, 36 часов почти непрерывного допроса».

36 часов. А оказалось что? Оказалось то, что Монкгауз уличен во лжи, что ничего подобного не было, что все то, что говорилось в палате общин, над чем трудятся почтенные джентльмены, в связи с этим заявлением является прямыми издержками производства, и я на их месте обязательно предъявил бы гражданский иск Монкгаузу... за потерянное время.

* * *

Мы не впервые встречаемся с инсинуированием, с фальсифицированием, с клеветой на наш суд, на наши судебные процессы. Так было, когда мы рассматривали Шахтинское дело. Так было, когда мы рассматривали дело «Промпартии». Так было, когда мы рассматривали дело так называемого Центрального бюро меньшевиков. Нам особенно нечего удивляться этому методу борьбы, которая ведется против нас, и не только остатками той буржуазии, какая ниспровергнута и Октябрем и всеми 15 годами нашей эпохи социалистического строительства, но и господствующей в разных капиталистических странах буржуазией, и идейно и очень часто материально через свои определенные круги связанной с остатками разбитых и разгромленных Октябрьской революцией капиталистических эксплуататорских классов в нашей стране, находящихся всегда поддержку в этих наиболее агрессивных и реакционных кругах мировой буржуазии.

Однако особенности настоящего процесса не в том потоке клеветы и инсинуаций, о которых мы только что говорили и которыми наши враги, как я уже сказал, встречают обычно каждый процесс о вредительстве, каждый наш удар по контрреволюционным заговорам, по контрреволюционным заговорщикам.

Особенности этого процесса заключаются в том, что он отражает собой величайшую классовую схватку, являясь в подлинном смысле этого слова актом классовой борьбы, борьбы двух миров. Особенность процесса в том, что все эти пять дней нашей судебной работы являются по существу пятью днями классовой битвы, в которой столкнулись два мира идей, два мира принципов, два мира понятий, два мира социальных стремлений и принципиально противоположных классовых интересов. При всем отличии этого процесса о вредительстве от процессов о вредительстве прошлых лет особенностью этого процесса является именно то, что это процесс о вредителях, которые остаются еще на нашей земле, несмотря на то, что все их попытки, до сих пор направлявшиеся против успехов социалистического строительства, неизменно оканчивались жестоким поражением.

Говоря о положении вещей в этой области в период Шахтинского процесса, товарищ Сталин указывал, что «вредительство составляло тогда своего рода моду», что тогда «одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями». С тех пор положение в среде старой производственно-технической интеллигенции изменилось. Сейчас имеются «определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти». Но товарищ Сталин предупреждал, что это не значит, что у нас нет больше вредителей. «Вредители, – говорил товарищ Сталин, – есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение». Вот почему очень важно сейчас отметить, что вредительские акты еще имеют место, что они организуются в таких важнейших отраслях социалистического хозяйства и социалистической промышленности, какой является область электростроительства, электрификации, электроснабжения, – область, являющаяся одной из важнейших отраслей нашего хозяйственного строительства...

Правда, сейчас мы имеем иные формы классового сопротивления, чем это было несколько лет тому назад. Еще по поводу Шахтинского дела апрельским пленумом ЦК нашей партии было указано на своеобразие этого вида преступления, именно как проявления особой, новой формы классового сопротивления буржуазии успехам нашего социалистического строительства. Это нужно будет сказать, и это нужно будет с особой силой подчеркнуть и в настоящее время.

Однако одновременно нужно будет сказать, что, несмотря на всю новизну оттенков и форм, в которых выражается это сопротивление низвергнутых, разгромленных, пущенных ко

дну, ликвидированных в своем экономическом и политическом господстве капиталистических эксплуататорских классов, за этими новыми формами скрывается старая, не ослабевающая, но, наоборот, усиливающаяся классовая ненависть наших врагов к делу социалистического строительства.

«Надо иметь в виду... – говорил товарищ Сталин, – то обстоятельство, что наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага, – таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны. Ясно, что эти обстоятельства не могут послужить к облегчению нашей работы по реконструкции народного хозяйства.

Надо иметь в виду... – продолжал товарищ Сталин, – то обстоятельство, что сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения. Капиталистическое окружение нельзя рассматривать, как простое географическое понятие. Капиталистическое окружение – это значит, что вокруг СССР имеются враждебные классовые силы, готовые поддержать наших классовых врагов внутри СССР и морально, и материально, и путем финансовой блокады, и, при случае, путем военной интервенции. Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне. Империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал прочно на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира в СССР».

* * *

Одной из иллюстраций, тяжелой и яркой иллюстрацией этой классовой борьбы является этот процесс, отразивший собой преступную деятельность отдельных контрреволюционных групп, гнездящихся еще кое-где в СССР, пытающихся не только сорвать, задержать, замедлить работу наших предприятий, но даже взорвать отдельные предприятия, отдельные участки нашего социалистического строительства, нанести урон нашей социалистической стройке.

И вот то, что мы здесь видели в течение этих дней, все то, что мы слышали от самих подсудимых, – все это убедительно говорит, действительно, о тех классовых отношениях, о том своеобразии нынешних форм этой классовой борьбы, проявляющейся, в частности, и в актах вредительства.

Было бы, однако, в высшей степени ошибочным представлять себе положение вещей так, что этот процесс электриков-вредителей свидетельствует о том, о чем свидетельствовал в свое время Шахтинский процесс, – что и сейчас мы имеем дело с широко распространенным явлением вредительства в кругах технической интеллигенции. Шахтинское дело свидетельствовало о том, что это вредительство являлось своего рода модой: одни вредили, другие прикрывали, третьи помогали. Шахтинский процесс отражал довольно распространенное, к стыду нашей технической интеллигенции, в то время явление в ее среде. Ныне дело обстоит не так. Было бы в высокой степени ошибочно допускать какую бы то ни было в этом отношении параллель между этим процессом и Шахтинским процессом, между тем и нынешним отношением к вредительству нашей технической интеллигенции.

Несомненно, за эти годы в силу и в зависимости от тех величайших процессов, которые произошли в нашей стране, одержавшей крупнейшие, гигантские победы в деле социалисти-

ческого строительства, произошел перелом и в настроении и в сознании широких кругов технической интеллигенции. Этот вывод ни в какой мере не может быть поколеблен тем фактом, что в 1931/32 году еще нашлась какая-то группа вредителей, что, оказывается, еще не все вредители перевелись на нашей советской земле. В этом нет ничего ни неожиданного, ни удивительного. Но они лишь ничтожные отщепенцы, отбросы технической интеллигенции.

Когда товарищ Сталин в своей исторической речи о новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства говорил о том переломе, который произошел в среде технической интеллигенции за время от Шахтинского процесса примерно к моменту опубликования этой его исторической речи, он говорил одновременно и о том, что этот перелом еще не означает того, что в среде этой технической интеллигенции у нас не будет больше вредителей. И здесь, как всегда, товарищ Сталин оказался прав. «Вредители есть, – сказал товарищ Сталин, – и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшая ранее вредителям, повернула теперь в сторону Советской власти, – активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье». А те, которых мы из подполья сейчас вытащили за ушко да на солнышко, производят впечатление, в своей подавляющей массе, в своем подавляющем большинстве, я бы сказал, «вредителей второго сорта»...

В чем основное содержание преступлений, которые инкриминируются по данному делу этим людям на скамьях подсудимых?

Государственное обвинение формулирует эти обвинения, главным образом направляя свое внимание по трем основным линиям, по трем основным группам совершенных подсудимыми контрреволюционных преступлений, а именно: 1) умышленная порча механизмов, агрегатов, оборудования; 2) военный шпионаж; 3) подкуп. Тягчайшие преступления, совершенные подсудимыми против государства пролетарской диктатуры, против Советской страны, против своего народа!

В высокой степени характерно, что именно здесь, как во всех вредительских контрреволюционных группах, всегда так называемые идейные побуждения смешиваются или переплетаются с грубой, низменной, материальной заинтересованностью, именно в этом процессе это особенно ярко сказывается.

Я напому здесь объяснения некоторых подсудимых, которые на мой вопрос: «Чем же вы руководствовались?» – и даже на вопрос своих собственных защитников: «Руководствовались ли вы материальными побуждениями или идейными побуждениями?» – мялись, разводили руками и говорили, что они затрудняются определить, затрудняются ответить на этот вопрос, до такой степени у них все это перепуталось, до такой степени они оказываются и политически и морально разложившимися. Это не случайно, это тоже есть явление времени, явление, как раз характерное для той эпохи, когда, с одной стороны, рабочий класс гигантски растет во всех областях своего творческого строительства, растет культурно, растет экономически, растет политически, в то же самое время как эти последние остатки, эти разбитые осколки капиталистических классов все более и более проявляют свое и культурное, и духовное, и моральное ничтожество, разложение и вырождение.

* * *

Почему вредительство, шпионаж и подкуп здесь так причудливо сплетаются в действиях чуть ли не любого из обвиняемых по настоящему делу? Мы судим электриков-вредителей, организовавшихся в контрреволюционные группы, чтобы нанести свой удар по советскому хозяйству, борющемся за свои все новые и новые успехи. Конечно, мы заранее были уверены – и действительно это красноречиво подтверждает, – что все и всякие подобного рода

попытки никогда и ни в какой мере не сумеют привести к тем результатам, о которых мечтают вредители, что все эти вредительские карты будут биты и в лучшем случае могут превратиться, как это доказывает и настоящий процесс, в кратковременные остановки турбин, в непродолжительные по времени затруднения, которые благодаря бдительности, творческой энергии, энтузиазму пролетарских масс быстро и решительно устраняются и исправляются, парализуя действия этих вредителей, нейтрализуя и ликвидируя их растлевающее влияние. И действительно, несмотря на все вредительские усилия, несмотря на всю их подрывную работу, мы имеем в области электрификации поразительные успехи. Об этих успехах говорят такие факты, как наличие у нас 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт— Кашира, Штеровка, Шатура, «Красный Октябрь» (Ленинград), Могэс, Зугрэс, Днепрогэс, Нигрэс, Челябингэс, Бакинская «Красная звезда». Мы имеем громадные успехи в области электрификации, являющейся, по историческому замечанию Владимира Ильича, важнейшим элементом коммунизма, ибо, как вы помните, по словам товарища Ленина, «коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.